

И шалопаем не был, и бирючком не стал

Вечер Месива - 2004 - 17 серия - е 6.

Новое радио «Культура», которое с октября начнет вещать уже и на Москеу, провело в прямом эфире первый вечер из цикла «Литературная ярмарка». Даже трудно поверить, что в эфир возвращается звучание живых стихов.

Советским людям всегда казалось странным, что нигде в мире стихами не зарабатывают. Текстами — да, это может быть, к песенкам, к мюзиклам. Но высокий стих денег к себе не притягивал никогда. Только у нас приближенные к власти поэты издавали, бывало, по четыре сборника в год шестизначными тиражами, дачи строили двухэтажные.

Правда, однако, и то, что даже в специализированном магазине поэзии неизменно спрашивали сборники Ахмадулиной, Вознесенского, Окуджавы, Высоцкого, Тряпкина, Рубцова, а в ответ в

больших количествах предлагался Анатолий Преловский... Выход каждого нового, пусть даже с двумя-тремя еще не публиковавшимися стихами, сборника Ахматовой, Цветаевой, Пастернака, Мандельштама становился целым событием для всей страны!

Нынче все иначе. Мы объевропеились, и, более того, дело повернулось так, что поэзия вроде как не нужна совсем — не имеет она практического смысла, время только зря терять...

Поэтический дар, однако, не зря дан человеку, если миллионы мальчиков и

девочек каждый раз, желая понять мир и себя, снова и снова волшебным образом выходят на трудный путь самовыражения в рифмах и ритмах. Кто-то потом бросает опыты навек, но кто-то ведь всю жизнь готов жадно ловить диковинные, похожие больше всего на музыку отзвуки нашей жизни, будто полетавшие где-то в ином мире и вернувшиеся к нам уже с отсветом вечности.

Именно так слушаются стихи Сергея Гандлевского — поэта того поколения, которое бурно возросло в середине исторических 80-х. Именно Гандлевского ведущий «Литературной ярмарки» поэт Тимур Кибиров пригласил в качестве первого гостя — стихи почитать, а может, и на вопросы ответить.

Вечер прошел в знаменитой концертной студии на Малой Никитской, 24 — в

бывшем так называемом «ДЗЗ на Качалова» (Доме звукозаписи), куда раньше простому смертному доступа не было. Профессионально оборудованный зал мест на 150, с конструкциями для хора, с большим паркетным пространством для симфонического оркестра расширенного состава. Но главное — с идеальной акустикой, обеспеченной в том числе многочисленными не слишком эстетичными специальными щитами. Двухметровые толстые звукопроницаемые двери — как в Министерстве обороны. Отныне зал носит официальное название «Пятая студия на Малой Никитской».

Кибиров вспомнил, как лет 20 назад впервые услышал стихи Гандлевского и, обалдевший, подошел к нему с не слишком ловким комплиментом: «Никак не ожидал...» И услышал в ответ язвительное: «Это я просто выгляжу так глуповато...»

Теперь они два мэтра. Гость — Гандлевский — лауреат-перелауреат, в том числе «Малого Букера» и «Анти-Букера» (за прозу). Кибиров то и дело с «Сергея» сбивался на «Сережу» и обратно, волновался — все же первый вечер его проекта!

Гандлевский, однако, был непроницаем. Час читал свои стихи наизусть, и жутковатая тишина, в которой зал внимал тем самым словам и строкам, уже отметившимся в иных, невидимых мирах, была наградой за его беспрецедентную отдачу.

Начал с места в карьер: «Это праздник. Розы в ванной. Шумно. Дымно. Негде сесть...» — ну и дальше, все про жизнь. Грусть, ирония, постмодернистские цитаты — смешные квазивставки из классиков.

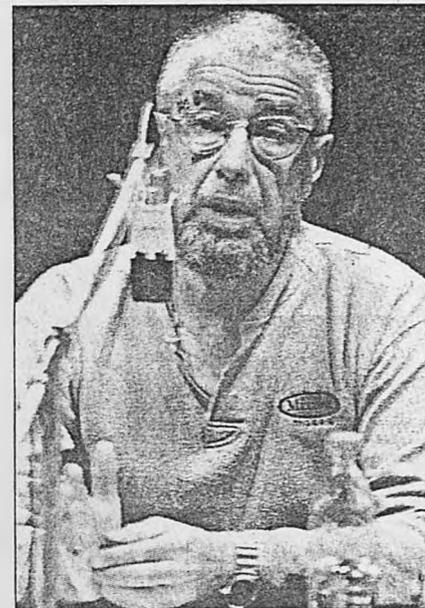
Ответы на записки в перерывах:

— Творчество какого поэта вам ближе всего?

— Пушкина, разумеется.

— Как вы относитесь к высоколобой поэзии?

— Поэзия не бывает ни высоколобой, ни простой. Она или поэзия, или не поэзия. Когда я впервые прочел Пастернака — не понял ни слова. Но меня увлекла ин-

Гандлевский, когда-то не понявший Пастернака

тонация. И я читал и читал его столько, пока не понял, что он имел в виду.

— Труднее было, когда вы начинали, или сейчас?

— Развитие моей взыскательности опережает развитие моих способностей. Я редко пишу.

— Как в вашем творчестве соотносятся стихи и проза?

— Поэт может снять сливки с ситуации, а прозаик вдавливается в подробности.

— Какая книга в последнее время вас заинтересовала?

— Я сейчас читаю письма Чехова. Меня увлекает интенсивность чувств, слога. Его человеческая прелесть.

— А что вы скажете про телевидение?

— Повторю прочитанные мною где-то слова одного старика голландца, обращенные им к внукам: «Я не понимаю, как можно заставить вас так себя не уважать».

...«Был шалопаем, а стал бирюк». Ну, все-таки и шалопаем Гандлевский таким уж; помнится, не был. И не бирюк, раз так подробно, с доверием доложил со-вершено новой, не видимой им радио-аудитории.

А вот эти его слова, наверное, повторит про себя каждый второй из нас: «Тебе уже много лет, а боишься выбрать даже арбуз». Или вот так: «И жизнь моя была б совсем не хуже, не будь она моя». Одно слово — русская интеллигенция...

Такие встречи будут теперь дважды в месяц — придут и Чухонцев, и Рейн, и Пригов, поэты русские и зарубежные. Литературная дискуссия в прямом эфире поощряется.

Наталья ЗИМЯНИНА

Сейчас тысячи людей услышат живые стихи в бесценном авторском исполнении

17.09.04

Сергей